

Разрыв в оценках бедности

Дети собирают воду в Гане.

Рави Канбур

Почему бесплатные столовые для нуждающихся могут быть полны как никогда, хотя официальная статистика показывает сокращение бедности

ЭКОНОМИСТЫ уже давно ищут лучшие способы измерять экономический рост и благосостояние, чем при помощи показателя валового внутреннего продукта. Необходим, говорят многие из них, новый метод оценки экономической, экологической и социальной устойчивости.

Тем, кто находится в самом низу пирамиды доходов — то есть живущим на доллар или меньше в день, — такие созерцательные размышления могут показаться несущественными и надуманными. Но работа Комиссии по измерению экономических результатов и социального прогресса, созданной французским правительством под руководством экономистов Джозефа Стиглица и Амартии Сена, представляет собой результат многолетних усилий, направленных на то, чтобы меньше опираться на показатели роста доходов или потребления на душу населения.

Показатели распределения, такие как статистические данные о бедности, составляемые на основе обследований доходов и расходов домашних хозяйств, помогают сосредоточить внимание на тяжелом положении малоимущих. В некоторых странах, таких как Индия, объявление официальных показателей бедности — важное событие, имеющее значительные политические последствия, а также

последствия для экономической политики. А в последние два десятилетия многие страны начали проводить обследования домашних хозяйств с целью ведения хронологического учета уровня бедности, благодаря которым статистика бедности стала более широко доступной во всем мире.

Что мы узнали из этих новых данных? Если оставить в стороне последствия кризиса конца 2000-х годов и ретроспективно взглянуть на два прошлых десятилетия, начиная с середины 2000-х годов, общие факты можно классифицировать, выделив нижеследующие упрощенные закономерности (Канбур, готовится к печати). В тех случаях, когда экономического роста не было, бедность возрастала. Это справедливо в отношении многих стран Африки и некоторых стран Латинской Америки. В большом числе стран, включая крупнейшие, такие как Индия и Китай, и даже в ряде стран Африки, таких как Гана, наблюдался быстрый, по историческим меркам, экономический рост, а бедность (процент населения, живущего за чертой бедности), согласно официальным данным, снизилась.

Что интересно, однако, так это разрыв между оптимистической картиной, рисуемой этими официальными данными о бедности, и более пессимистическими взглядами активистов из широких масс, граждан-

ского общества и разработчиков экономической политики в более общем плане. Разумеется, этот разрыв не поддается количественному определению, которым характеризуется представление официальных показателей бедности. Скорее, факты носят косвенный и качественный характер. К числу примеров относятся результаты «оценок бедности с участием заинтересованных сторон» в Гане и других странах, озбоченность правительств по поводу социальных волнений в Китае, итоги выборов 2004 года в Индии (где после десятилетия снижения бедности, согласно официальным данным, лозунг правящей партии «Сверкающая Индия» потерпел поражение от лозунга оппозиции «Простой человек») и, несомненно, общее беспокойство, проявляемое директивными органами, когда дело касается вопросов распределения — даже в странах, демонстрирующих хорошие результаты в области сокращения бедности.

Что же происходит? Возможно ли, что официальные данные о бедности вводят в заблуждение? Может ли бедность в действительности расти, в то время как официальные данные сообщают о ее сокращении? Существует пять причин, которые могут служить убедительным основанием для разрыва между на вид благополучными количественными данными о сокращении бедности и широко распространенной озабоченностью по поводу того, что положение реально не улучшилось.

Игра с цифрами

Рассмотрим страну, в которой распространенность бедности сокращалась на 1 процентный пункт в год. Это хороший темп сокращения, особенно для африканской страны. При таком темпе, в зависимости от исходного уровня бедности, эта страна уверенно продвигалась бы к достижению первой Цели развития Декларации тысячелетия, которая направлена на сокращение распространенности бедности, обусловленной доходами.

Но предположим, что население этой страны растет на 2 процента в год. В этом случае, несмотря на сокращение доли живущих за чертой бедности на 1 процентный пункт в год, абсолютное число малоимущих увеличивается на 1 процентный пункт в год. Это объясняет, почему бесплатные столовые для нуждающихся полны, как никогда, беспризорных детей больше, чем когда-либо, а число терпящих нужду фермеров велико, как никогда, хотя официальные «общие показатели» говорят о сокращающейся бедности.

Этот разрыв является наиболее резким в странах, где распространенность бедности снижается относительно медленно, а численность населения растет относительно быстро — как во многих странах Африки. Но данная тенденция присутствует во всех странах. Даже в Китае, где в последние годы наблюдалось впечатляющее сокращение как распространенности бедности, так и абсолютного числа малоимущих, темп снижения распространенности бедности выше, чем темп уменьшения числа малоимущих (Chakravarty, Kanbur, and Mukherjee, 2006).

Учет стоимости государственных услуг

Обследования домашних хозяйств превосходно охватывают рыночную стоимость покупаемых и продаваемых товаров и услуг. Данные о расходах, получаемые от респондентов, являются составным элементом данных о бедности в таких странах, как Индия и Гана. Кроме того, с течением времени эти обследования стали все лучше охватывать стоимость ряда нерыночных видов деятельности, таких как производство для собственного потребления.

Однако обследования домашних хозяйств не позволяют учесть стоимость государственных услуг, таких как здравоохранение, образование и транспорт. Теоретически, включить эти услуги в стандартные денежные показатели измерения

благополучия не так уж сложно. Однако на практике имеются серьезные трудности, связанные с оценкой стоимости этих услуг по каждому домашнему хозяйству.

В любом случае, официальная статистика составляется не так. Разумеется, обследования действительно позволяют собирать информацию о качестве здравоохранения, образования, водоснабжения, канализации и других услуг. Но стоимость этих услуг не включается в показатель благосостояния, основанный на доходах и расходах, при помощи которого рассчитываются уровни бедности.

«Страдания, приносимые увеличением бедности среди некоторых, возможно, многочисленных, малоимущих, не будут охватываться показателями сокращения бедности на общенациональном уровне».

Рассмотрим теперь страну, которая переходит от использования преимущественно государственных услуг к использованию услуг, предоставляемых главным образом частным сектором. Многие скажут, что именно такое преобразование приведет к более высокому экономическому росту. Данные обследований домашних хозяйств будут охватывать растущее число операций в расширенном частном секторе, но не будут охватывать соответствующее сокращение государственных услуг. А это создает проблему, так как эти услуги, независимо от того, насколько они неэффективны, представляют, по крайней мере, некоторую ценность для малоимущих.

Поскольку стоимость государственных услуг не учитывается стандартными оценками благосостояния в обследованиях домашних хозяйств, стандартная официальная статистика бедности завышает рост благосостояния в масштабах всего населения, включая тех, кто находится на нижнем крае шкалы распределения доходов. Следовательно, статистика завышает сокращение бедности, связанное с перемещением большего числа видов деятельности в частный сектор.

Учет неравенства внутри домашних хозяйств

Еще одной определяющей чертой стандартных обследований доходов и расходов домашних хозяйств является то, что вся основанная на денежных показателях информация собирается на уровне домашних хозяйств. Обычный способ пересчета этой информации в оценки, отражающие индивидуальное благосостояние, состоит в том, чтобы поделить ее на размер домашнего хозяйства и приписать значение дохода или потребления домашнего хозяйства на душу населения каждому члену этого домашнего хозяйства. Но, как нам известно, внутри домашнего хозяйства может существовать значительное неравенство, при котором женщины и дети получают гораздо меньшую долю общего потребления домашнего хозяйства, чем мужчины.

Соответственно, информация о неравенстве внутри домашних хозяйств умалчивается. Например, анализ специально построенного обследования питания в Филиппинах показал, что игнорирование неравенства внутри домашних хозяйств приводит к занижению реального неравенства и бедности ни много ни мало на 30 процентов (Haddad and Kanbur, 1990).

Эти результаты позволяют предположить, что уровень бедности, отражаемый официальной статистикой, ниже,

чем показало бы реальное распределение доходов. Но у нас нет данных для расчета этих различий, поэтому разрыв между (более оптимистической) официальной картиной сокращения бедности и объективной реальностью сохраняется.

Малоимущие — выигравшие и проигравшие

Рассмотрим страну, в которой осуществляются крупные структурные преобразования. В целом в результате этих преобразований появятся выигравшие и проигравшие — в краткосрочном и долгосрочном плане. Если все малоимущие выиграют, или же если некоторые малоимущие выиграют и никто из малоимущих не проиграет, бедность сократится. Но измеряемая бедность может сократиться также в том случае, если значительное число проигравших являются малоимущими, так как их потери перевешиваются выгодами, получаемыми другими малоимущими. Страдания, приносимые увеличением бедности среди некоторых (возможно, многочисленных) малоимущих, не будут охватываться показателями сокращения бедности на общенациональном уровне. Образуется разрыв между теми, в центре внимания которых находятся данные официальной статистики, и теми, в центре внимания которых находятся проигравшие из числа малоимущих.

Поскольку данные о бедности на общенациональном уровне рассчитываются на основе обследований, составленных на определенный момент времени, мы не можем напрямую проверить эту аргументацию. Имеющиеся панельные данные действительно показывают заметное снижение благосостояния значительной части населения, что обеспечивает некоторую слабую поддержку этой гипотезе. Но в литературе эти данные не использовались для определения последствий либерализации или глобальной интеграции.

Однако наблюдаемый рост неравенства в периодических обследованиях, лежащих в основе страновых данных о бедности, также поддерживают эту аргументацию. Несомненно, темпы сокращения бедности по регионам внутри отдельной страны существенно различаются. Например, в Гане в 1990-х годах бедность на общенациональном уровне сократилась, но бедность в северной части страны осталась на неизменном уровне или, по некоторым показателям, повысилась. В Мексике в конце 1980-х и начале 1990-х годов сокращение бедности на национальном уровне не отразилось на бедных южных районах страны (Kanbur and Venables, 2007). В других странах оценки бедности, более ориентированные на глубину бедности, сократились меньше, что указывает на наличие более серьезной проблемы среди тех, кто живет далеко за чертой бедности, по сравнению с теми, чей уровень жизни приближается к ней (McKay and Aryeetey, 2007).

Смертность и бедность

Все официальные индикаторы бедности имеют одну общую черту: при прочих постоянных условиях смерть малоимущего человека приводит к сокращению бедности. Когда малоимущий умирает, показатели бедности снижаются!

Это не соответствует нашим моральным ориентирам, но является неизбежной чертой индикаторов бедности, и более высокий уровень смертности среди малоимущих означает, что это представляет постоянную проблему для показателей бедности.

Как обойти эту проблему и, тем не менее, сохранить нашу статистику? Один из ответов заключается в том, чтобы в явном виде включить коэффициенты смертности или среднюю продолжительность жизни в общую картину (Kanbur and Mukherjee, 2007). Это позволило бы нам компенсировать тот факт, что измеряемая бедность сократилась бы при повышении смертности в результате ВИЧ/СПИДа среди малоимущего сельского населения. В другом, более позитивном, примере снижение младенческой смертности среди малоимущих, как правило, будет приводить к увеличению измеряемой бедности. Здесь также социальная оценка должна уравновешивать статистический эффект благодаря рассмотрению благосостояния во всех его аспектах, в том числе путем учета средней продолжительности жизни.

Лучшие оценки, лучшие результаты

В силу всех этих причин малоимущие должны существенно выиграть от нового подхода, например, такого, который был предложен в октябре 2009 года Комиссией по измерению экономических результатов и социального прогресса. Предложенный подход предусматривает расширенное использование обследований домашних хозяйств для охвата более полного набора данных и представления значительно более точной картины условий жизни малоимущих. Это поможет властям в разработке политики, направленной на действие освобождению людей от бедности.

И все же этого недостаточно. Если попросту составлять статистику бедности, наряду с показателями доходов на душу населения, результатом по-прежнему будет статистика, представляющая слишком радужную картину, так как в ней будут игнорироваться многие другие проблемы, выделенные в докладе Комиссии — нерыночные услуги, гендерное неравенство внутри домашних хозяйств и аспекты благосостояния, не связанные с доходами. Предстоит проделать большую работу. ■

Рави Канбур — профессор экономики в Корнельском университете.

Литература:

Chakravarty, Satya, Ravi Kanbur, and Diganta Mukherjee, 2006, "Population Growth and Poverty Measurement," *Social Choice and Welfare*, Vol. 26, No. 3, pp. 471–83.

Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress, 2009, report; see www.stiglitz-sen-fitoussi.fr/documents/rapport_anglais.pdf.

Haddad, Lawrence, and Ravi Kanbur, 1990, "How Serious Is the Neglect of Intra-Household Inequality?" *Economic Journal*, Vol. 100 (September), pp. 866–81.

Kanbur, Ravi, forthcoming, "Globalization, Growth and Distribution: Framing the Questions," in *Equity and Growth in a Globalizing World*, ed. by Ravi Kanbur and A. Michael Spence (Washington: World Bank for

the Commission on Growth and Development).

———, and Diganta Mukherjee, 2007, "Premature Mortality and Poverty Measurement," *Bulletin of Economic Research*, Vol. 59, No. 4, pp. 339–59.

Kanbur, Ravi, and Anthony J. Venables, 2007, "Spatial Disparities and Economic Development," in *Global Inequality*, ed. by D. Held and A. Kaya (Cambridge: Polity Press), pp. 204–15.

McKay, Andrew, and Ernest Aryeetey, 2007, "Growth with Poverty Reduction, but Increased Spatial Inequality: Ghana over the 1990s, in *Determinants of Pro-Poor Growth: Analytical Issues and Findings from Country Cases*, ed. by Stephen Klasen, Michael Grimm, and Andy McKay (New York: Palgrave Macmillan).